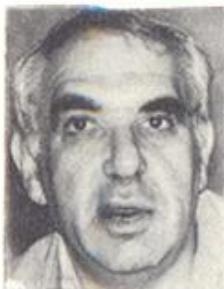

КОНТИНЕНТ

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT
КАНТИНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

90

Все, что было, дошло до
предела,
а за ним — неизвестный
простор.
Загустела, спеклась, поредела,
стала жизнь, как холодный
раствор...

Евгений Рейн

Мы часто отговариваемся тем,
что «мы молимся за весь мир».
Но что миру от нашей молитвы,
когда люди голодные, холода-
ные?.. Ты накормил голодного?
Одел нагого? Принял под свой
кров бездомного?..

Антоний,
митрополит Сурожский

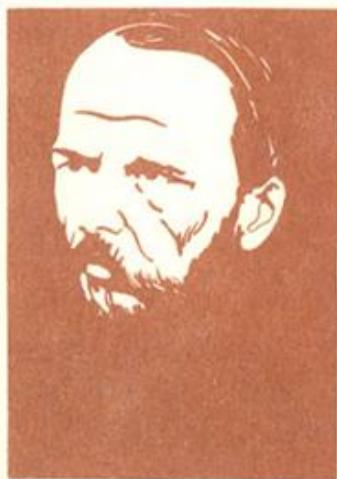
Однажды Михайлов удивился:
да неужели и вправду было с
ним все это — запрещенная ли-
тература, листовки, подполь-
щина доморощенная, слежка,
доносы, обыски, демонстра-
ции...

Юлий Ким

Сегодня я рисую предложить
Вашему вниманию, уважаемый
читатель, первые части романа
Игоря Вацетиса «Обстоятель-
ства образа действия». Это ро-
ман о КГБ. Роман не окончен.
Да? Я не уверен в этом...

Сергей Юрский

К 175-летию

со дня

рождения

Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Вольф Шмид

Игорь Виноградов

Анджей Лазари

Борис Соколов

ПЯТЬ РАССКАЗОВ ИЗ ЦИКЛА «ОДНАЖДЫ МИХАЙЛОВ...»

1. ЛЕША ВТОРОВ И ФИЛЕРА

Однажды Михайлов удивился:

— Да неужели и вправду было с нами всё это: запрещенная литература, листовки, подпольщина доморощенная, слежка государственная, доносы, обыски, демонстрации, аресты и суды с гордыми «последними словами» — словом, все эти из далекого прошлого атрибуты героической революционной романтики, изображенные во множестве произведений, от «Овода» до горьковской «Матери» или фадеевской «Молодой гвардии»? Неужели все это было в жизни по-настоящему? Пронзительное чувство неестественности: как это? Я — здесь, а Илья — в тюрьме? Я здесь, в Москве, сижу в театре «Современник» и вместе с залом смеюсь над абсолютным совпадением Щедрина с советской властью, а Илья — в трех шагах от меня, бритый, в камере, и этот говнюк-следователь кричит на него? Хотя образ мыслей, за который Илья и сидит, у смеющегося вместе со мной зала точно такой же! Словно встали дети в круг, посчитались: «вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана» — и кому выпало водить, пошел из круга, только не за угол, а на Колыму, лет на семь.

**Юлий
КИМ**

— родился в 1936 году в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского пединститута им. Ленина. Девять лет преподавал русский язык и литературу в школе. С конца 60-х гг. начал выступать как поэт и драматург, но из-за участия в правозащитном движении вынужден был вплоть до 1985 г. публиковаться под псевдонимом Ю. Михайлов. Автор текстов многих известных песен к кино- и телефильмам («Обыкновенное чудо», «12 стульев», «Бумбараши», «Собачье сердце» и др.). Опубликовал несколько книг стихов и пьес — «Я клоун» (Дания, 1989), «Волшебный сон», «Летучий ковер», «Творческий вечер» (все — М., 1990), «Своим путем» (Израиль, 1995).

2. ДВА РАССКАЗА ВИКТОРА НЕКРАСОВА

Однажды Михайлов познакомился с Виктором Некрасовым, автором первой правдивой книги о войне. Это был общительный веселый человек, любитель выпить и побродить по окрестностям. Больше всего он любил и знал два города: Киев и Париж. Он и сам по себе был французский гранд и киевский бояк одновременно.

Он был совершенно ненавязчив и неотразимо обаятелен. Друзья называли его Вика. Михайлов не мог себе этого позволить. У него вообще к фронтовикам было трепетное почтение младшего. Давида Самойлова он тоже Дезиком называть не мог. Давид, вы. Булат, вы. К Некрасову — Платоныч, вы.

Платоныча из начальства хвалил только Сталин. Да, вот так: Фадееву за 1% правды в верноподданном романе «Молодая гвардия» — жестокий разнос, Некрасову за 100% — премию имени себя. О таких говорят: от соткан из противоречий. Хрущев не был соткан и последовательно разносил Платоныча за независимость характера и речи. А при Брежневе его достали так, что не вздохнуть. И он эмигрировал.

Между тем за Платонычем ничего такого особенного не водилось. Все-таки Галич сочинял прямую крамолу. Войнович учинил непростительную свою «Иванькиаду». Уж не будем говорить об Исаиче. Платоныч же просто позволял себе жить непозволительно свободно: читал, что хотел, говорил, что хотел, дружил, с кем хотел. В Москве бы его не тронули — Киев же никак терпеть его не мог: провинция всегда злее казнит (и быстрее прощает).

Но два вполне диссидентских поступка Михайлов за Платонычем знал.

В 67-м году, осенью, узнав, что киевские евреи собираются на стихийный митинг по случаю 25-летия расстрела в Бабьем Яру, благо официальный митинг власть не разрешила, — небольшая московская компания друзей славного диссидента Петя Якира вдруг легко встала из-за стола, за которым сидела, и в одно мгновение оказалась — сначала на Киевском вокзале, а наутро и в самом Киеве. Ибо Петя Якир был человек азартный. Вместе с ними и Михайлов оказался в этой незаметной лощине, где приютился небольшой казенный камень с обещанием «на этом месте воздвигнуть памятник жертвам», — лишний раз подчеркивая своей сиротливостью органическую неспособность Софии Власьевны (псевдоним советской власти) к благородным поступкам. За четверть века она еле снесла этот камешек. Скорей всего из желчного своего пузыря.

Собралось много народа. И огромное количество госбезопасности с милицией, готовые накинуться. Но команду все-таки не дали.

По толпе прокатывалось: «Будет Некрасов... будет Некрасов...» Показалась группа людей, в центре медленно шел Платоныч. Вот он приготовился говорить. Ни трибун, ни микрофонов, ни хотя бы матюгальника. Михайлов пробился поближе. Все замерли, чтобы расслышать. Некрасов сказал (как запомнилось Михайлову):

— Четверть века назад на этом месте фашисты расстреляли 140 тысяч мирных жителей. Среди них были русские, были украинцы. Но первые сто тысяч были евреи.

Впоследствии Михайлов навестил Бабий Яр, когда там поставили-таки эту общенациональную скульптурную группу — и подивился, как это начальство умудряется даже и с помощью интернационализма выразить свой антисемитизм.

Через некоторое время за Платоныча взялись как следует: со слежкой, прослушиванием, перлюстрацией, обыском и увольнением отовсюду (когда его исключили из партии, он говорил: «Положил партбилет — и даже удивился, какое испытал облегчение, словно гора с плеч. Оказалось, 40 лет таскал на себе гору!»), но главное — полностью закрыли возможность печататься. Его книги изымались из библиотек, а имя — изо всего, где оно было. И ведь ни в какие сахаровские комитеты не входил, никаких листовок не расклеивал — он просто чихал на Софью Власьевну, и в этом-то и состояло всё его диссидентство, для нее нестерпимое.

И он уехал. На прощание навестил друзей, побывал и в Москве, где попрощался с Михайловым.

— Понимаешь, — сказал он, — мне моей капитанской пенсии, 120 рэ, вот так бы хватило, я бы ни за что не уехал — но сознавать, что ежедневно, да просто каждую секунду могут войти и грязными своими лапами выдрать прямо из машинки то, что ты только что сочинил, — с таким сознанием жить невозможно.

А накануне отъезда, в лучших традициях романтических революционных историй, уходя темной ночью от слежки на старой «Победе» друга, Платоныч увез вместе с ним куда-то во тьму свои архивы, и два седых фронтовика закопали их в надежном месте. И так и неизвестно, выкопал ли их кто-нибудь в новейшие времена...

Друг его, физик-атомщик, доктор наук Илья Владимирович Гольдснифельд тоже был человек необычный. Он всё гордился: и

докторскую защитил — и в партию не вступил; и ядром занимался — и без секретности обошелся, свободно выезжал за рубеж, пока не коснулась и его опала некрасовская. И когда друг сердечный Вика уехал — немного погодя и он — вдруг, разом, всем своим обширным гнездом — снялся и улетел в Израиль. И там ему так как-то вольно зажилось, что однажды он написал Михайлову: мне кажется, что я до сих пор и не жил. Михайлов даже обиделся.

Илья с Викой там, конечно, виделись, и не раз, и гуляли по Парижу: это было любимое занятие Платоныча — знакомить заезжих приятелей со столицей мира, он и Михайлову в открытках всё обещал свою, некрасовскую, экскурсию. Он тоже воспользовался вовсю внезапной возможностью ездить, куда захочется, и если, например, Илья только собирался пересечь Средиземное море на собственной яхте, то Михайлов еле успевал удивляться, из какой еще Гонолулы напишет ему Платоныч.

А теперь лежат два друга, два закоренелых киевлянина: один — под Парижем, другой — в Иерусалиме. Правда, и Софья Власьевна не намного их пережила. Жаль, что не они — ее.

Булат как-то сказал Михайлову:

— Знаешь, что такое счастье? Это когда в Париже лежишь в номере, а перед тобой на диване растянулся Вика и — ля-ля ля-ля...

Году не хватило Платонычу с Михайловым вот так же полякаться...

А второй диссидентский подвиг Некрасова был чисто писательский.

Накануне его 80-летия Михайлов пришел в «Общую газету» к Егору Яковлеву и сказал:

— Хотите сенсацию? Я, Михайлов, лично слышал здесь, в Москве, в начале 70-х годов, как Некрасов читал вслух два своих крамольных рассказа. С тех пор ни там, ни здесь их никто не публиковал. Пошлите своих людей в Париж, пусть свяжутся с наследниками, у них наверняка сохранилась рукопись.

К изумлению Михайлова, Егор Владимирович повернулся в кресле, потыкал в кнопки телефона и сказал в трубку:

— Париж? Юра? Привет, это Егор. Послушай — и изложил всё сказанное выше. Юрай оказался наш посол во Франции. Но, видно, Юра не справился. Либо у наследников ничего не нашлось. Оба рассказа Платоныча так и остались, таким образом, для Михайлова только в его памяти. Две совершенно криминальные новеллы, которые Платоныч сочинил здесь и тогда, и

опубликуй он их тогда же на Западе — вполне мог поехать в сторону, Парижу противоположную. Назывались они: «Ограбление века» и «Король в Нью-Йорке».

Ограбление века

Речь ведется от лица Некрасова В.П. Лауреат Сталинской премии, орденоносец-фронтовик, член КПСС и Союза писателей Украинской ССР заявился как-то утром к не менее знаменитому орденоносцу и лауреату, драматургу и академику, да что там — к самому Председателю Верховного Совета Украины Корнейчуку А.Е. Последний удивился неожиданному визиту и еще более удивился, когда Некрасов В.П. предложил ему собрать и положить на стол всё ценное, что есть в роскошной квартире малороссийского Шекспира. Попытка свести дело к шутке ни к чему не привела, так как Некрасов вытащил свой фронтовой пистолет и всем видом и тоном показал, что шутить не намерен. Корнейчук, конечно, собрал, что набралось, а набралось, хотя главные деньги лежали на книжке, всё равно немало. Среди прочего — золотой портсигар.

Некрасов сложил ценности в балетный чемоданчик и двинулся было уходить, как вдруг его осенило. Он снял с полки свежую книгу Первого письменника Украины и повелел сделать дарственную надпись ему, Некрасову, причем пометить ее завтрашим числом. Засим удалился.

Через день раздался звонок из Писательской спилки от секретаря — не то Коваленко, не то Козаченко. Смущаясь и хихикая, Коваленко чи Козаченко сообщил, что старик Евдокимыч совсем с ума зъихав, говорит, что ты его ограбил. Надо как-то реагировать, Виктор. Заходи, будь ласка.

Некрасов зашел и посоветовал дело замять, показав книжку с дарственной надписью, сделанной вчера. Так и поступили. И дело заглохло, за вопиющей нелепостью иска.

Помучив Евдокимыча некоторое время, Некрасов пригласил его на берег летнего Днепра для разговора. Там орденоносец-фронтовик лениво раскинулся в плавках на золотом приднепровском песочке и так пребывал, когда среди пляжной публики показался унылый Евдокимыч в костюме с головы до ног. Раздеться и позагорать отказался. Некрасов перешел к делу. Он обещал вернуть награбленное в обмен на две вещи: Корнейчук все эти ценности жертвует в фонд защиты мира; а во-вторых, выступает в защиту Синявского и Даниэля. Тот согласился. Но

впоследствии выполнил только первое условие. Правда, и Некрасов вернул ему не всё: золотой портсигар все-таки отложил для друга Борьки, собирателя портсигаров.

Платоныч читал оба рассказа у своих друзей Лунгиных. Когда кончил про ограбление, Михайлов не удержался:

— Платоныч, покажите портсигар.

Настолько достоверно всё было описано!

Король в Нью-Йорке

О том, как Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин проснулся в своей резиденции в Нью-Йорке, куда он прибыл на Генеральную Ассамблею ООН. Он проснулся и стал вспоминать вчерашнюю беседу с Линдоном Джонсоном, Президентом США. Как они сидели друг против друга, два почтенных джентльмена, в чем-то похожие: оба стрижены бобриком, у обоих одинаковые мешки под глазами. Линдон приглашал к задушевному разговору, Алексей же Николаевич, проклиная себя, натужно отвечал ему цитатами из выступления на Ассамблее.

Помощник Косыгина, он же приставленный чекист, лейтенант Гончаренко принес почту. Разбирая ее, Косыгин заметил на конверте слово «Керенский» и обратный адрес. В самом деле: лично Александр Федорович, то есть бывший российский премьер, приглашал нынешнего, то есть Алексея Николаевича, на рюмку чая. Косыгин отнесся к этому с раздраженным недоумением, однако письмо засело, пустило корни и вскоре заполнило голову, и он не выдержал искушения. Гончаренко повез его по адресу. За два дома Косыгин приказал ему остановиться и пошел один, заметая следы от Гончаренки. Поднялся нательный этаж и позвонил. Открыла опрятная старушка — супруга — и Алексей Николаевич был встречен лично Александром Федоровичем, препровожден в кабинет, и, слово за слово (и по рюмочке, по глоточку), беседа завязалась.

Они сидели друг против друга, два старика с одинаковыми седыми бобриками и дряблыми подглазьями. Однако в отличие от посиделок с Джонсоном, напрягаться и цитировать речи не надо было, и вскоре оба заговорили запросто:

— А Китай-то вы просрали!

— Китай, не спорю, да, просрали, но Куба — наша.

Уходить было неохота, да куда ж денешься. Угрюмо добрел советский премьер до Гончаренки, тот, не говоря худого слова, отвез восьмойся. Наутро неугомонная дочь, бурно знакомящаяся

с Америкой, утащила его смотреть Ниагару. Алексей Николаевич стоял на смотровой площадке, но ни великолепие пейзажа, ни вид мощного и непрерывного низвергания огромной массы воды не трогали душу Председателя Совета Министров СССР: одна мысль томила его — до чего же ему в с ё э т о смертельно надоело.

Вот всё, что сохранила память Михайлова (не самая сильная его сторона). И я предлагаю эти записи в надежде (слабой), что все-таки найдутся где-нибудь, всплынут оригиналы двух прелестных новелл Платоныча. Ведь им уже без малого 30 лет.